

Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина.

Записки В. И. Даля.

Предлагаемая вниманію читателя записки В. И. Даля о Пушкинѣ появляются въ печати впервые. Онѣ сохранились въ Имп. Публичной Библіотекѣ (см. „Отчетъ И. Публ. Библ. за 1896 г.“, СПб., 1900 г., стр. 200). Это—пять писанныхъ карандашомъ рукою Даля листковъ въ 4-ю, 8-ю, и 16-ю долю.

Извѣстны воспоминанія Даля о Пушкинѣ, опубликованныя Л. Н. Майковымъ (см. его сборникъ „Пушкинъ“, СПб., 1899 г., стр. 414—433). Покойный біографъ и комментаторъ Пушкина предпослалъ воспоминаніямъ Даля свои замѣчанія, въ которыхъ вѣрно оцѣнилъ значеніе разсказа этого умнаго и наблюдательнаго писателя о гоніальномъ поэтѣ. „Сношенія Даля съ Пушкинымъ были непостоянны, даже не особенно коротки, но Даль сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе и, семь лѣтъ спустя послѣ его смерти, написалъ разсказъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Дѣло это онъ справедливо считалъ долгомъ всѣхъ, кто близко зналъ великаго поэта, и со своей стороны исполнилъ его какъ умѣлъ. Благодаря тонкой наблюдательности Даля и его глубокому уваженію къ Пушкину, а также благодаря тому, что Пушкинъ проявлялся въ бесѣдахъ съ нимъ самыми существенными чертами своей личности, воспоминанія Даля, несмотря на свою краткость, должны занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи величайшаго представителя русской литературы“ (ibid., 416).

Печатаемые здѣсь отрывки являются немаловажнымъ дополненіемъ къ уже извѣстнымъ воспоминаніямъ Даля. Въ нихъ есть кое-

что новое, есть и такая пушкинская „алмазная искра“, по выражению Даля (ibid., 421), какъ проникнутыя благоговѣннѣмъ слова поэта о Петръ Великомъ. Веселье и забавень разсказъ о наивномъ оренбургскомъ охотникѣ, такъ понравившемся Пушкину.

* * *

Я слышалъ, что Пушкинъ былъ на четырехъ поединкахъ, изъ коихъ три первые кончились эпиграммой, а четвертый смертію его. Всѣ четыре раза онъ стрѣлялся черезъ барьеръ, давалъ противнику своему, гдѣ можно было, первый выстрѣлъ, а потомъ, самъ подходилъ вплотъ къ барьеру и подзывалъ противника.

Помню въ подробности одинъ только поединокъ его, въ Кишиневѣ, слышанный мною отъ людей, бывшихъ въ то время на мѣстѣ.

Въ Кишиневѣ стоялъ пѣхотный полкъ, и Пушкинъ былъ со многими офицерами въ клубѣ, собраніи, гдѣ танцовали. Большая часть гостей состояла изъ жителей, молдаванъ и молдаванокъ; надобно замѣтить, что обычай, въ то время особенно, ввелъ очень вольное обращеніе съ послѣдними. Пушкинъ пригласилъ даму на мазурку, захопалъ въ ладоши и закричалъ музыкѣ: „мазурку, мазурку!“ Одинъ изъ офицеровъ подходитъ и проситъ его остановиться, увѣряя, что будутъ плясать вальсъ; „Ну“,—отвѣчала Пушкинъ,—„вы вальсъ, а я мазурку“—и самъ пустился со своей дамой по залѣ.

Полковой или баталіонный командиръ, кажется, подполковникъ Старковъ, по своимъ понятіямъ о чести, считалъ необходимымъ стрѣляться съ обидчикомъ, а какъ противникъ Пушкина по танцамъ не рѣшался на это самъ, то начальникъ его принялъ дѣло это на себя.

Стрѣлялись въ камышахъ придунайскихъ, на прогалинѣ, черезъ барьеръ, шаговъ на восемь, если не на шесть. Старковъ выстрѣлилъ первый и далъ промахъ. Тогда Пушкинъ подошелъ вплотъ къ барьеру и, сказавъ: „пожалуйста, пожалуйста сюда“ подозвалъ противника, несмѣвшаго отъ этого отказаться; затѣмъ Пушкинъ, уставивъ пистолетъ свой почти въ упоръ въ лобъ его, спросилъ: „довольны ли вы?“—тотъ отвѣчалъ, что доволенъ. Пушкинъ выстрѣлилъ въ поле, снялъ шляпу и сказалъ:

Подполковникъ Старковъ
Слава Богу здоровъ.

Поединокъ былъ конченъ, а два стиха эти долго ходили въ родѣ поговорки по всему Кишиневу, и молдаване, не зна-

вшіе по-руски, тѣшились, затверживая ее ломанымъ языкомъ наизусть ¹⁾).

Подробности другого поединка—кажется въ Одессѣ—не помню; знаю только, что противникъ Пушкина не выдержалъ, что Пушкинъ отпустилъ его съ миромъ, но сдѣлалъ это тоже по-своему: онъ сунулъ неразряженный пистолеть себѣ подъ мышку, отвернулся въ сторону...²⁾).

* * *

Въ Оренбургѣ ³⁾ Пушкину захотѣлось сходить въ баню. Я свелъ его въ прекрасную баню къ инженеръ-капитану Артюхову, добрый-шему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собесѣднику. Въ передбанникѣ расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкинъ тѣшился этими картинами, когда веселый хозяинъ, круглолицый, голубоглазый, въ золотыхъ кудряхъ, вошелъ, упрашивая Пушкина ради перваго знакомства откушать пива или меду. Пушкинъ старался быть крайне любезнымъ со своимъ хозяиномъ и, глядя на расписной передбанникъ, завелъ рѣчь объ охотѣ. „Вы охотитесь, стрѣляете?“—„Какъ-же-съ, попемножку занимаемся и этимъ; не одному долгоносому довелось успокоиться въ нашей сумкѣ“.—„Что же вы стрѣляете—утокъ?“—„Уто-окъ-съ?“—спросилъ тотъ, вытянувшись и бросивъ какой-то сострадательный взглядъ.—„Что же?

¹⁾ О дуэли Пушкина съ полковникомъ Сем. Никит. Старовымъ (а не Старковымъ) Даль рассказываетъ невѣрно. Дуэль происходила въ январѣ 1822 г. въ окрестностяхъ Кишинева, а не въ придунайскихъ камышахъ, куда ѣздить дуэлянтамъ было бы слишкомъ далеко. Изъ-за скверной погоды поединокъ былъ отложенъ, а потомъ противниковъ помирили (П. И. Барте-невъ, „Пушкинъ въ Южной Россіи“—„Русск. Архивъ“ 1866 г. ст. 1165—1167; Н. П. Липранди, „Изъ дневника и воспоминаній“—*ibid.*, ст. 1416—1421, его же „Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, М., 1873 г., стр. 150). Кишиневскій знакомецъ Пушкина В. П. Горчаковъ сообщаетъ въ своей статьѣ „Воспоминаніе о Пушкинѣ“ („Московск. Вѣдом.“ 1858 г., № 19, литерат. отд. стр. 82—83), что прямо въ день несостоявшагося поединка со Старовымъ Пушкинъ заѣхалъ къ А. П. Полторацкому и оставилъ ему записку: „Я живъ, Старовъ здоровъ, дуэль не конченъ“.

П. И. Бартеневъ въ своемъ упомянутомъ трудѣ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1162, 1166, прил.) упоминаетъ о какой-то запискѣ Даля о дуэляхъ Пушкина, гдѣ говорится и про дуэль со Старовымъ, но, судя по приводимой Бартеневымъ выпискѣ, это не наша записка.

²⁾ Далѣе рассказъ не только неприличенъ, но и мало достовѣренъ: Пушкину въ немъ приписываются неумный и грубый поступокъ и очень плохой экспромптъ. 2 мая 1824 г. А. И. Тургеневъ сообщилъ князю П. А. Вяземскому слухъ, будто Пушкинъ въ Одессѣ дрался съ кѣмъ-то на дуэли, но противникъ не хотѣлъ стрѣлять въ него („Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ“, Б. III).

³⁾ Въ сентябрѣ 1833 г.

развѣ вы утокъ не стрѣляете?“ — „Помилуйте-съ, кто будетъ стрѣлять эту падалъ! Это какая-то гадкая старуха, валяется въ грязи — ударишь ее по загривку, она свалится бокомъ, какъ топоръ съ полки, бьется, валяется въ грязи, кувыркается... тѣфу!“ — „Такъ что же вы стрѣляете?“ — „Нѣтъ-съ, не утокъ. Вотъ какъ выйдешь въ чистую рощицу, какъ запустишь своего Фингала, — а онъ нюхъ-нюхъ направо — нюхъ налево, — и стойку: вытянулся какъ на пружинѣ — одеревенѣлъ, сударь, одеревенѣлъ, окаменѣлъ! Пиль, Фингалъ! Какъ свѣчка загорѣлся, столбомъ взвился“... — „Кто, кто?“ — перебилъ Пушкинъ съ величайшимъ вниманіемъ и участіемъ. „Кто-съ? разумѣется кто: слука ¹⁾, вальдшнепъ. Тутъ царякъ его по сарафану... А онъ (продолжалъ Артюховъ, раскинувъ руки врознь, какъ на крестѣ), — а онъ только раскинетъ крылья, головку набокъ — замретъ на воздухѣ, умирая какъ Брутъ!“

Пушкинъ расхохотался и приславъ ему черезъ годъ на память „Истор. Пугач. бунта“, написалъ:

„Тому офицеру, который сравниваетъ вальдшнепа съ Валентейномъ“ ²⁾.

„Я стою вплоть передъ изваяніемъ исполинскимъ, котораго не могу объять глазомъ — могу ли я списывать его? Что я вижу? Оно только заститъ мнѣ исполинскимъ ростомъ своимъ, и я вижу ясно только тѣ двѣ — три пядени, которыя у меня подъ глазами.“

Пушкинъ, о Петрѣ ³⁾.

¹⁾ Слука, по объясненію „Толковаго словаря“ Даля, — вальдшнепъ.

²⁾ Въ объясненіяхъ къ напечатаннымъ Л. Н. Майковымъ воспоминаніямъ Даля (Майковъ, „Пушкинъ“, 429) рассказываетъ со словъ одной оренбургской дамы, что „полковникъ Артюковъ“, бѣдившій вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Далемъ къ старухѣ помнившей Пугачева и рассказывавшей о немъ поэту, — былъ всѣмъ любимый, добрѣйшій и популярнѣйшій человекъ. Во время несчастнаго похода въ Хиву при Перовскомъ (1840 года) онъ, несмотря на свое крѣпкое здоровье, возвратился съ изнурительною лихорадкой, которая вскорѣ и свела его въ могилу“. Вѣроятно оренбургскіе злые, но не острые языки выдумали, будто въ Оренбургѣ въ 1833 г. Пушкинъ написалъ въ альбомъ угостившему его баней А—ву (конечно, Артюкову): „Пушкинъ былъ у А—ва въ банѣ“ (М. Шевляковъ, „Пушкинъ въ анекдотахъ“, СПб., 1899 г., стр. 80—81).

³⁾ По разсказу Даля (Майковъ, „Пушкинъ“, 419) Пушкинъ говорилъ ему о Петрѣ Великомъ: „Я еще не могъ доселѣ постичь и объять вдругъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ, близорукихъ, и мы стоимъ еще къ нему близко — надо отодвинуться на два вѣка, — но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно“. Эта мысль въ сообщаемой нами запискѣ Даля выражена красивѣе и образнѣе.

* * *

Еще *Пугачевщина*, которую я не успѣлъ сообщить Пушкину въ время:

При проѣздѣ Государя Наслѣдника—нынѣшняго Царя нашего ¹⁾—изъ Оренбурга въ Уральскъ я тоже находился въ поѣздѣ. Мы выѣхали въ 4 часа утра изъ Оренбурга и не переводя духу прискакали въ 4 часа пополудни въ *Мухраковскую* станицу, на этомъ пути первую станицу Уральского Войска. Всѣ казаки собрались у станичнаго дома, въ избахъ оставались одни бабы и дѣти. Тошій, не только голодный, я бросился въ первую избу и просилъ старуху подать каймачка, топленого молока—сырого здѣсь не держатъ—и хлѣба. Отбивъ у скопы ²⁾ цыпленка, схваченнаго ею въ тревогу эту на дворѣ, старуха радушно стала *собирать* на столъ. „Ну что“—сказаль я:—„чай рады дорогому гостю, Государю Наслѣднику?“—„Помилуй, какъ не рады?—отвѣчала та:—вѣдь мы тута—легко ли дѣло, Царскаго племени не видывали отъ самаго отъ Государя Петра Ѳеодоровича...

То-есть—отъ Пугачева.

Сообщ. Н. Лернеръ.

¹⁾ Александра Николаевича.

²⁾ Скопá, по объясненію „Толковаго словаря“ Дала,—орликъ, рыбакъ, хищная птица.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оригинала фамилія Пушкина обозначена буквою П. Редакціей восстановлена полная фамилія поэта.

Ред.